

СУИЦИДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЫХ МУЖЧИН С ОПАСНЫМ ПОТРЕБЛЕНИЕМ АЛКОГОЛЯ

К.В. Полкова, А.В. Меринов, А.Е. Старостенко

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России, г. Рязань, Россия

SUICIDAL CHARACTERISTICS OF YOUNG MEN WITH HAZARDOUS ALCOHOL CONSUMPTION

K.V. Polkova, A.V. Merinov, A.E. Starostenko

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Сведения об авторах:

Полкова Ксения Владимировна – аспирант (SPIN-код: 1149-3624; Researcher ID: W-4794-2019; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544). Место учёбы: аспирант кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (915) 590-65-41, электронный адрес: polkovaksu@gmail.com

Меринов Алексей Владимирович – доктор медицинских наук, доцент (SPIN-код: 7508-2691; Researcher ID: M-3863-2016; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542). Место работы и должность: профессор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: merinovaalex@gmail.com

Старостенко Александр Евгеньевич – студент (Researcher ID: E-9576-2022; ORCID iD: 0000-0002-4770-5564). Место учёбы: студент ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: starostenko.alex@mail.ru

Information about the authors:

Polkova Xenia Vladimirovna (SPIN-code: 1149-3624; Researcher ID: W-4794-2019; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544). Place of study: Graduate student of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (915) 590-65-41, email: polkovaksu@gmail.com

Merinov Alexey Vladimirovich – MD, PhD, Associate Professor (SPIN-code: 7508-2691; Researcher ID: M-3863-2016; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542). Place of work and position: Professor of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: merinovaalex@gmail.com

Starostenko Aleksandr Evgenievich (Researcher ID: E-9576-2022; ORCID iD: 0000-0002-4770-5564). Place of study: student of Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: starostenko.alex@mail.ru

Факт связи аутоагрессивного поведения со злоупотреблением алкоголем широко известен среди научно-го сообщества. В ряде работ, касающихся связи суицидального поведения с алкоголизацией, зачастую применялся критерий объёмных доз потребления спиртных напитков на душу населения, а также оценивалось количество самоубийств в конкретном регионе или стране, где часто обнаруживалась положительная корреляция между ростом потребления алкоголя и увеличением числа суицидов. Однако потребление алкоголя per capita (на душу населения) формируется не только благодаря лицам, уже имеющим алкогольную зависимость, но и за счет тех, кто злоупотребляет алкоголем ещё на донологическом уровне. Последние, безусловно, способны вносить вклад в совокупные параалкогольные показатели суицидальной смертности. В настоящее время отсутствуют данные о суицидологических характеристиках лиц с донологическими формами злоупотребления алкоголем, в частности, с опасными формами потребления. *Материалы и методы.* Исследованы 456 мужчин в возрасте от 20 до 27 лет, обучающиеся в ВУЗе. Из них 56 имели «опасное потребление алкоголя» и вошли в исследуемую группу. Контрольную группу составили 400 молодых мужчин, не оцениваемые как опасно потребляющие. В качестве основного инструмента исследования использовался RUS-AUDUT. Для оценки присутствия суицидологически значимых паттернов использовался опросник, направленный на выявление аутоагрессивных паттернов в

прошлом и настоящем. Математическую обработку данных проводили с помощью программы SPSS. *Результаты и обсуждение.* Количество суицидальных попыток в изучаемой группе в десять раз превышало таковое в группе контроля в последние два года, а на протяжении жизни вообще – в пять раз. Доклиническое злоупотребление алкоголем в группе молодых мужчин повлияло на частое обнаружение суицидальных мыслей (60,71% в исследуемой группе против 27,5% в контроле). Самоповреждения в последние два года также преобладали в изучаемой группе (14,29% против 3,5% в группе контроля). *Выводы.* Исследуемая группа лиц мужского пола, имеющих паттерны опасного употребления алкоголя, представляет собой весьма неблагоприятную в суицидологическом разрезе категорию, требующую дальнейшего, пристального изучения. Полученные в ходе исследования данные должны использоваться в оценке суицидального риска среди мужчин молодого возраста.

Ключевые слова: опасное потребление алкоголя, суицидальная попытка, суицид, аутоагрессия, суицидология, донозологические формы злоупотребления алкоголем, бытовое пьянство

Научному сообществу хорошо известен факт несомненной связи всего спектра аутоагрессивного поведения с присутствием в жизни человека злоупотребления алкоголем [1, 2]. В случае сформированной алкогольной зависимости данное положение практически считается аксиоматическим и уже не вызывающим сомнений [3]. Однако в целом ряде сообщений, касающихся связи, к примеру, именно связи суицидального феномена и алкогольных проблем, часто использовался критерий соотношения объёмных доз потребления спиртных напитков per capita (на душу населения) [4, 5] и установленного числа завершённых суицидов в той или иной местности. Наиболее общим и частым выводом в подобных работах является обнаружение положительной корреляции между ростом соответствующего потребления и увеличением числа самоубийств, которое, лишь напомним, продолжает оставаться одной из самых значимых и требующих вмешательства медико-социальных проблем современности [6-8].

Возвращаясь к обозначенной связи, лишь подчеркнём, что учёт употребления алкоголя в расчёте per capita, как индикатора потенциального уровня суицидальной активности, безусловно, заслуживает внимания, если бы не одно методологическое «но», крайне значимое именно в разрезе клинической и профилактической работы. При математической безукоризненности подхода, мы до конца не имеем представления о срезе самих потребителей, предполагая (и не без оснований на то), что этот показатель в значительной степени характеризуется представленность в изучаемом срезе наиболее «суицидопродуцирующей» прослойки лиц со сформированной алкогольной зависимостью, и, вероятно, лицами таковой не имеющей, но у которых, приём алкоголя в некоей кризисной ситуации спровоцировал или облегчил реализацию аутоагрессивных устремлений. Для описательно-эпидемиологической составляющей

The scientific community is well aware of the fact of the undoubted connection of the entire spectrum of auto-aggressive behavior with the presence of alcohol abuse in a person's life [1, 2]. In the case of formed alcohol addiction, this provision is practically considered axiomatic and no longer in doubt [3]. However, in a number of reports concerning the connection, for example, the connection between the suicidal phenomenon and alcohol problems, the criterion of the ratio of volumetric doses of alcohol consumption per capita (per capita) [4, 5] and the established number of completed suicides in a given area. The most common and frequent conclusion in such works is the discovery of a positive correlation between the growth of the corresponding consumption and the increase in the number of suicides, which, let's just recall, continues to be one of the most significant and requiring intervention medical and social problems of our time [6-8].

Returning to the indicated connection, we only emphasize that the accounting for alcohol consumption in the calculation of per capita, as an indicator of the potential level of suicidal activity, certainly deserves attention, if not for one methodological "but", which is extremely significant in the context of clinical and preventive work. With the mathematical impeccability of the approach, we do not fully have an idea about the profile of the consumers themselves, assuming (and not without a reason) that this indicator is largely characterized by the representation in the studied profile of the most "suicidal" stratum of persons with a formed alcohol addiction, and, probably, by persons who do not have one, but for whom, the intake of alcohol in a certain crisis situation provoked or facilitated the

щей суицидологии – это более, чем достаточное объяснение имеющейся связи, но ещё раз обратим внимание на упомянутое «но». Дело в том, что алкогольная зависимость, как заболевание не возникает при первом контакте с этиловым спиртом. Каждый, впоследствии ставший зависимым, проходит определённую алкогольную траекторию (занимающую годы), когда его употребление алкоголя (в тех же, упомянутых выше, объёмных значениях) начинает отличаться от нормативного или нулевого потребления, разумеется, в сторону значительного увеличения. То есть, то самое значение употребляемого алкоголя per capita складывается ещё из одной «львиной доли», а именно из выпиваемого лицами, зависимыми от алкоголя вовсе ещё не являющимися, «выбирающими» значительную часть из совокупного объёма. Мы предположим, также вносящими определённый вклад в результирующее значение всевозможных форм аутоагрессивного поведения, включая и суицидальные попытки и завершённые самоубийства.

Обозначим весь спектр сверхнормативно выпивающих, но пока не попадающих в диагностическое «лоно» алкогольной зависимости, привычным в наркологии собирательным термином «донологические формы злоупотребления алкоголем» [9, 10], попутно заметив, что все эти варианты «привычного пьянства», «бытового алкоголизма», «опасного потребления алкоголя», «потребления с вредными последствиями», несмотря на часто ударные объёмы потребления, не у всех закончатся алкогольной зависимостью. Приходится констатировать, что мы совершенно не располагаем статистикой распространённости этих доклинических, но явно пагубных феноменов, более того, не имеем чёткого представления об их значении в роли факторов, ассоциированных с вероятно повышенным риском суицидального поведения. Это, на наш взгляд, создаёт некую парадоксальность в восприятии алкогольного суицидального феномена именно в плоскости сформированной нозологии. Логичны некие «этапы большого пути» в генерации аутоагрессии с периода возникновения бытовых форм злоупотребления до завершения алкогольной карьеры формированием несомненной зависимости. Напомним, что треть из заканчивающих жизнь самоубийством, это молодые люди, не достигающие возраста 30 лет [11], и не успевшие, даже при раннем начале злоупотребления алкоголем, достигнуть среднего возраста диагностирования имеющейся зависимости – некая «молчащая», неисследованная категория в разрезе наркологической

realization of auto-aggressive aspirations. For the descriptive and epidemiological component of suicidology, this explanation of the existing connection is more than sufficient, but let us once again pay attention to the already mentioned “but”. The fact is that alcohol addiction, as a disease, does not occur upon first contact with ethyl alcohol. Everyone who subsequently becomes addicted goes through a certain alcohol trajectory (taking years), when their alcohol consumption (in the same volume values mentioned above) begins to differ from the normative or zero consumption, of course, towards a significant increase. That is, the very value of the consumed alcohol per capita is made up of yet another "lion's share", namely, from drinking by persons who are not yet addicted to alcohol, "choosing" a significant part of the total volume. We will assume that they also make a certain contribution to the resulting value of all kinds of auto-aggressive behavior, including both suicidal attempts and completed suicides.

Let us designate the entire spectrum of those who drink excessively, but do not yet fall into the diagnostic “heart” of alcohol addiction, with the collective term familiar in narcology “pre-nosological forms of alcohol abuse” [9, 10], noting in passing that all these variants of “habitual drinking”, “domestic alcoholism”, “dangerous consumption of alcohol”, “consumption with harmful consequences”, despite the often shocking volumes of consumption, not everyone will end up with developing alcohol addiction. We have to admit that we have absolutely no statistics on the prevalence of these pre-clinical, but clearly detrimental phenomena, moreover, we do not have a clear idea of their significance as factors associated with a likely increased risk of suicidal behavior. This, in our opinion, creates a certain paradox in the perception of the alcoholic suicidal phenomenon precisely in the plane of the formed nosology. Some “stages of a long journey” are logical in the generation of auto-aggression from the period of the emergence of everyday forms of abuse to the end of an alcohol career with the formation of an undoubted addiction. Recall that a third of those who commit suicide are young people under the age of 30 [11], who did not have time, even with the early onset

суицидологии. Группой риска в отношении ненормативных форм потребления являются лица молодого возраста, в частности, обучающиеся в ВУЗах [12-14], зачастую «в отъезде от родителей» практикующие заведомо опасные модели потребления алкоголя [15-17].

Так что же подразумевают под донозологическими, но уже опасными формами потребления? Работы отечественных учёных в данном направлении [9, 18-21], несмотря на кажущуюся простоту в описании состояний, тем не менее, практически не давали нам клинического инструментария для их оценки и выявления (поскольку они *до*-нозологические, а значит, по сути, *до*-диагностические). Описываемые паттерны существовали в своей уникальной феноменологической самобытности, всеми *де-факто* признавались, но никаких рубрик в наркологической отчётности не существовало. А если нет диагноза (или статистической рубрики) – нет и оценки вклада подобных, «дурных привычек» на множество переменных, на которые они имели несомненной влияние.

Первые шаги в сторону поиска их места и значения в психиатрии были предприняты в МКБ-10, в следующей же редакции (11-й) было впервые введено понятие так называемого, опасного потребления алкоголя, под которым понимают количество или схему потребления алкоголя, подвергающую пациента риску неблагоприятных событий для здоровья [22]. Более того, в распоряжении специалистов большинства стран появляются стандартизированные методы оценки присутствия именно таких паттернов злоупотребления, в частности, тест AUDIT. Кстати, в основу концепции «опасного потребления алкоголя» положен, в частности, момент возможной эффективной профилактики формирования зависимого поведения.

Излишним будет говорить, что в настоящее время в Российской Федерации работ, посвящённых связи донозологических форм злоупотребления алкоголем с аутоагрессивным феноменом нет. В настоящем исследовании, предпринята попытка оценить возможный вклад опасного употребления алкоголя на суицидологические характеристики молодых мужчин.

Целью данного исследования является изучение аутоагрессивных особенностей молодых мужчин с опасным потреблением алкоголя.

Задачи: определение и сравнение суицидологических характеристик мужчин молодого возраста,

of alcohol abuse, to reach the average age of diagnosing an existing addiction – a kind of “silent”, unexplored category in the context of drug addiction suicidology. The risk group in relation to non-normative forms of consumption are young people, in particular, those studying at universities [12-14], often “away from their parents” practicing deliberately dangerous patterns of alcohol consumption [15-17].

So what is meant by prenosological, but already dangerous forms of consumption? The works of domestic scientists in this field [9, 18-21], despite the apparent simplicity in describing the conditions, nevertheless, practically did not give us clinical tools for their assessment and detection (since they are *pre*-nosological, and therefore, in fact, *pre*-diagnostic). The described patterns existed in their unique phenomenological originality, they were *de facto* recognized by everyone, but there were no headings in the narcological reporting. And if there is no diagnosis (or statistical rubric), there is no assessment of the contribution of such “bad habits” to the many variables on which they had an undoubted influence.

The first steps towards the search for their place and significance in psychiatry were taken in the ICD-10, in the next edition (11th) the concept of the so-called dangerous alcohol consumption was first introduced, which is understood as the amount or pattern of alcohol consumption that puts the patient at risk of adverse health events [22]. Moreover, standardized methods for assessing the presence of precisely such patterns of abuse, in particular, the AUDIT test, are becoming available to specialists in most countries. By the way, the concept of “dangerous alcohol consumption” is based, in particular, on the moment of possible effective prevention of the formation of addictive behavior.

It would be superfluous to say that at present in the Russian Federation there are no works devoted to the connection of prenosological forms of alcohol abuse with an autoaggressive phenomenon. In the present study, an attempt was made to evaluate the possible contribution of hazardous alcohol consumption to the suicidological characteristics of young men.

The aim of this study is to study the autoaggressive characteristics of

имеющих и не имеющих опасное потребление алкоголя; обозначение возможных путей приложения превентивных мероприятий среди данной категории лиц.

Материалы и методы.

В исследовании приняли участие 456 респондентов: из них в исследуемую группу вошли 56 молодых мужчин, характеризующихся опасным потреблением алкоголя, в контрольную – 400 молодых мужчин, такового не имеющих. В качестве основного инструмента оценки присутствия такового паттерна злоупотребления был использован рекомендованный для этих целей тест RUS-AUDIT [23], отлично зарекомендовавший себя в наркологической практике множества стран, включая Россию.

Критериями включения в исследуемую группу являлись следующие: употребление алкоголя исследуемым; 9-13 баллов, набранных по тесту RUS-AUDIT, соответствующих «опасному употреблению алкоголя»; употребление алкоголя выше пороговых значений по ВОЗ – в среднем более двух стандартных доз алкоголя (СДА) в сутки и/или более шести СДА за неделю; возраст от 20 до 27 лет, факт обучения в ВУЗе на момент проведения исследования.

Группу контроля составили молодые люди того же возраста, с сопоставимыми прочими социально-демографическими характеристиками, а также: употребляющие алкоголь, но при этом набравшие по тесту RUS-AUDIT 0-8 баллов (относительно низкий риск возникновения проблем, связанных с употреблением алкоголя), и имеющих употребление алкоголя менее пороговых значений по ВОЗ.

В исследование не вошли лица: вообще не употребляющие алкогольные напитки; лица с наличием клинических признаков алкогольной зависимости или пагубного потребления алкоголя в соответствии с критериями МКБ-10 и МКБ-11; набравшие по тесту RUS-AUDIT более тринадцати баллов (что соответствует пагубному потреблению алкоголя или сформированной алкогольной зависимости); лица, имеющие психические и/или иные сформированные наркологические расстройства на момент проведения исследования.

Суицидологически значимые клиничко - психологические и прогностические паттерны оценивались с помощью опросника, направленного на выявление аутоагрессивных паттернов в прошлом и настоящем [24], который предлагался для совместного заполнения с врачом после предварительного клинического интервью, целью которого было ис-

young men with hazardous alcohol consumption.

Objectives: to determine and compare the suicidological characteristics of young men with and without hazardous alcohol consumption; designation of possible ways to apply preventive measures among this category of persons.

Materials and methods.

The study involved 456 respondents: of them, the study group included 56 young men characterized by dangerous alcohol consumption, the control group included 400 young men who did not have such. As the main tool for assessing the presence of such a pattern of abuse, the RUS-AUDIT test recommended for these purposes [23] was used, which has proven itself in drug treatment practice in many countries, including Russia.

Criteria for inclusion in the study group were as follows: alcohol consumption by the individual; 9-13 points scored on the RUS-AUDIT test, corresponding to "dangerous use of alcohol"; alcohol consumption above WHO thresholds of more than two standard drinks of alcohol (SDA) per day on average and/or more than six SDA per week; age from 20 to 27 years, the fact of studying at the university at the time of the study.

The control group consisted of young people of the same age, with comparable other socio-demographic characteristics, as well as: drinking alcohol, but at the same time scoring 0-8 points on the RUS-AUDIT test (relatively low risk of problems associated with alcohol use), and having alcohol consumption below the WHO threshold.

The study did not include individuals that fall under any of these categories: those who do not consume alcohol at all; persons with clinical signs of alcohol addiction and harmful alcohol consumption in accordance with the criteria of ICD-10 and ICD-11; those who scored more than thirteen points on the RUS-AUDIT test (which corresponds to harmful alcohol consumption or formed alcohol addiction); persons with mental and/or other formed drug disorders at the time of the study.

Suicidologically significant clinical, psychological and prognostic patterns were

ключение присутствия психических, наркологических расстройств, и самостоятельного заполнения теста RUS-AUDIT.

Статистический анализ и обработку данных проводили посредством непараметрических методов математической статистики с использованием критериев χ^2 . Для непараметрических критериев описание данных представлено в виде n (%) (абсолютное количество признаков группе и его процентное отношение к общему количеству членов группы). Границы доверительного интервала (ДИ) для отношения шансов указаны в виде нижней (НГДИ) и верхней границы (ВГДИ).

Математическую обработку данных проводили с помощью программы SPSS.

Результаты и их обсуждение.

Оценим присутствие паттернов классического аутоагрессивного поведения среди молодых мужчин. Полученные данные представлены в таблице 1.

Представленные данные весьма красноречиво характеризуют изучаемую группу: количество суицидальных попыток статистически значимо преобладает именно в ней, причём разница достигает десяти раз в изолированный период времени (последние два года) и пяти за весь период жизни.

assessed using a questionnaire aimed at identifying auto-aggressive patterns in the past and present [24], which was proposed to be completed together with a doctor after a preliminary clinical interview, the purpose of which was to exclude the presence of mental, drug disorders, and independent completing the RUS - AUDIT test.

Statistical analysis and data processing was carried out using non-parametric methods of mathematical statistics using the criteria χ^2 .

For non-parametric criteria, the description of the data is presented as n (%) (the absolute number of features in the group and its percentage to the total number of group members). Confidence interval (CI) bounds for the odds ratio are indicated as lower bounds (LBCI) and upper bounds (UBCI). Mathematical data processing was carried out using the SPSS program.

Results and their discussion.

Let's evaluate the presence of patterns of classic auto-aggressive behavior among young men. Received data are presented in table 1.

Таблица / Table 1

Представленность классических аутоагрессивных паттернов у молодых мужчин с опасным употреблением алкоголя
Representation of classic auto-aggressive patterns in young men with hazardous alcohol use

Критерий Criterion	Исследуемая группа Study group, n=56		Контрольная группа Control group, n=400		χ^2	P	ОШ OR	ДИ / CI	
	n	%	n	%				НГДИ LBCI	ВГДИ UBCI
Суицидальная попытка в последние два года Suicidal attempt in the last two years	6	10,71	4	1,0	21,61	0,0000	11,880	3,241	43,544
Суицидальная попытка в анамнезе вообще History of suicide attempt in general	10	17,86	14	3,5	20,31	0,0000	5,994	2,518	14,267
Суицидальные мысли в последние два года Suicidal thoughts in the last two years	22	39,29	46	11,5	29,89	0,0000	4,980	2,684	9,238
Суицидальные мысли в анамнезе вообще History of suicidal thoughts in general	34	60,71	110	27,5	25,08	0,0000	4,074	2,282	7,273

Представленные данные весьма красноречиво характеризуют изучаемую группу: количество суицидальных попыток статистически значимо преобладает именно в ней, причём разница достигает десяти раз в изолированный период времени (последние два года) и пяти за весь период жизни. Предположим, что такая большая разница в отношении изучаемого показателя именно в последние два года с большой долей вероятности может быть связана именно с формированием изучаемого нами паттерна опасного употребления алкоголя, которое приходится именно на последние годы жизни, учитывая средний возраст в группе. Похожая закономерность отмечается и в отношении детекции суицидальных мыслей, как в последние два года, так и во всей глубине анамнеза. Излишним будет говорить, что эти лица с позиции суицидологической практики представляют несомненный интерес, выступая группой существенного риска, и, безусловно, нуждающуюся в разработке подходов профилактики аутоагрессивного поведения. Увы, даже доклиническое злоупотребление спиртными напитками в группе молодых мужчин сопряжено с высокой частотой обнаружения у них суицидальных паттернов, и позволим предположить, что среди лиц аналогичного возраста, совершивших фатальную суицидальную попытку, так же значительным будет являться количество погибших, имевших именно опасные формы злоупотребления алкоголем (разумеется, эта гипотеза нуждается в дальнейшей, тщательной проверке).

В наших более ранних публикациях [24] приводились значения рассматриваемых показателей в группе мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, у которых в анамнезе суицидальная попытка обнаруживалась у 32% обследованных. В нашем случае процент существенно ниже – 17,86%. Однако следует учитывать несомненную разницу в возрасте обследуемых и, без сомнений, сам факт наличия сформированной алкогольной зависимости II стадии.

По количеству суицидальных попыток, принятых в последние два года, группы совершенно сопоставимы: 10,71% и 12%, что наводит на весьма печальные предположения о, в определенном смысле, схожих ситуациях в донологической и уже клинически сформировавшейся группах. Мы снова возвращаемся к мысли о возможном вкладе доклинических форм злоупотребления в тотальные показатели околоалкогольной суицидальной (как и прочих форм) смертности, который, к сожалению, в настоящий момент оценить невозможно по причине ба-

The presented data very eloquently characterize the studied group: the number of suicidal attempts statistically significantly prevails among this group, and the difference reaches ten times in an isolated period of time (the last two years) and five times throughout entire period of life.

Let us assume that such a large difference in relation to the studied indicator in the last two years with a high degree of probability can be associated precisely with the formation of the pattern of dangerous alcohol consumption that we are studying, which occurs precisely in the last years of life, given the average age in the group. A similar pattern is observed in relation to the detection of suicidal thoughts, both in the last two years and in the entire depth of the anamnesis. It would be superfluous to say that from the standpoint of suicidological practice, these individuals are of undoubted interest, acting as a significant risk group, and, of course, in need of developing approaches to prevent auto-aggressive behavior. Alas, even preclinical alcohol abuse in a group of young men is associated with a high frequency of detection of suicidal patterns in them, and we can assume that among people of the same age who have made a fatal suicide attempt, the number of deaths who had precisely dangerous forms of abuse will also be significant. alcohol (of course, this hypothesis needs further, thorough testing).

In our earlier publications [24], the values of the parameters under consideration were given in the group of men suffering from alcohol addiction, and a history of a suicide attempt was found in 32% of the examined. In our case, the percentage is significantly lower – 17.86%. However, one should take into account the undoubted difference in the age of the subjects and, without a doubt, the very fact of the presence of a formed alcohol addiction of stage II.

In terms of the number of suicide attempts made in the last two years, the groups are completely comparable: 10.71% and 12%, which leads to very sad assumptions about, in a certain sense, similar situations in prenosological and already clinically formed groups. We again return to the idea of the possible contribution of preclinical forms of abuse to the total indicators of alcohol-related suicidal (as well as other forms) mortality, which, unfortunately, cannot be estimated at

нальной неизученности распространённости данных вариантов потребления алкоголя.

the moment due to the banal lack of study of the prevalence of these variants of alcohol consumption.

Таблица / Table 2

Представленность несуицидальных аутоагрессивных паттернов у молодых мужчин с опасным употреблением алкоголя

Representation of non-suicidal auto-aggressive patterns in young men with hazardous alcohol use

Критерий Criterion	Исследуемая группа Study group, n=56		Контрольная группа Control group, n=400		χ^2	P	ОШ OR	ДИ / CI	
	n	%	n	%				НГДИ LBCI	ВГДИ UBCI
Самоповреждения в последние два года Self-harm in the last two years	8	14,29	14	3,5	12,45	0,0004	4,595	1,833	11,519
Самоповреждения в анамнезе вообще History of self-harm in general	16	28,57	98	9,5	17,11	0,0000	3,811	1,951	7,441
Серьезные несчастные случаи в последние два года Serious accidents in the last two years	26	46,43	62	15,5	21,11	0,0000	4,725	2,617	8,531
Серьезные несчастные случаи в анамнезе вообще History of serious accidents in general	34	60,71	134	33,5	15,64	0,0001	3,068	1,726	5,452
Наличие опасных для жизни хобби в последние два года Having life-threatening hobbies in the last two years	20	35,71	58	14,5	15,59	0,0001	3,276	1,774	6,050
Неоднократный незащищенный секс с малознакомыми партнерами в последние два года Repeated unprotected sex with unfamiliar partners in the last two years	14	25	14	3,5	39,4	0,0000	9,190	4,103	20,584
Случайные ожоги сигаретой или батареей во сне Accidental cigarette or battery burns while sleeping	6	10,71	16	4	4,82	0,0281	2,880	1,077	7,700
Субъективное ощущение злоупотребления алкоголем в последние два года Subjective feeling of alcohol abuse in the last two years	20	35,71	16	4	67,95	0,0000	13,333	6,356	27,970
Субъективное ощущение злоупотребления алкоголем вообще Subjective feeling of alcohol abuse in general	18	32,14	28	7	34,24	0,0000	6,293	3,189	12,419
Систематическое курение более двух лет Regular smoking for more than two years	38	73,08	200	51,28	8,77	0,0031	2,714	1,426	5,165

Таблица (продолжение) / Table 2

Критерий Criterion	Исследуемая группа Study group, n=56		Контрольная группа Control group, n=400		χ^2	P	ОШ OR	ДИ / CI	
	n	%	n	%				НГДИ LBCI	ВГДИ UBCI
Несистематическое употребление наркотических веществ вообще в анамнезе Non-systematic use of narcotic substances in general history	12	21,43	42	10,5	5,62	0,0178	2,325	1,138	4,747

Стоит помнить и о высоком риске повторения суицидальных попыток в будущем лицами, однажды подобную ранее предпринимавших [25-27], что на фоне непрекращающегося злоупотребления алкоголем, вероятно только повышается.

Перейдём к оценке несуйцидальных аутоагрессивных паттернов в изучаемой группе, полученные данные представлены в таблице 2.

В целом полученные результаты созвучны данным, касающихся классических, суицидальных форм реализации аутоагрессии. Статистически значимые отличия обнаружены в отношении большинства наиболее часто рассматриваемых вариантов несуйцидальной реализации аутоагрессии [6, 24]. Прежде всего остановимся на гораздо более частом нанесении себе самоповреждений различного характера, некую специфическую копинг-стратегию, позволяющую временно избежать более одиозных вариантов аутоагрессивного поведения. В следующем сообщении, касающемся аналогичной оценки девушек со схожим опасным употреблением алкоголя, мы попробуем оценить гендерный аспект присутствия селф-харма, поскольку, по некоторым данным этот вариант более присущ представительницам женского пола [28], и обнаружение столь заметных показателей в мужской группе, возможно, получит более целостную оценку.

Аналогичная закономерность обнаруживается и в отношении неоднократной акцепции несчастных случаев, приобретения в течении последних двух лет опасных для жизни привычек и хобби, в частности, незащищённых сексуальных контактов с малознакомыми партнёрами, которые на фоне имеющихся аф-

It is worth remembering the high risk of repetition of suicidal attempts in the future by individuals, once similar to those who previously made [25-27], which, against the background of ongoing alcohol abuse, probably only increases.

Let's move on to the assessment of non-suicidal autoaggressive patterns in the study group, the data obtained are presented in the second table.

On the whole, the obtained results go along with the data on the classical, suicidal forms of the realization of autoaggression. Statistically significant differences were found in relation to most of the most frequently considered variants of non-suicidal realization of autoaggression [6, 24]. First of all, let's dwell on the much more frequent self-harm of a different nature, some specific coping strategy that allows you to temporarily avoid more odious options for autoaggressive behavior. In the next report, concerning a similar assessment of girls with similar hazardous alcohol use, we will try to assess the gender aspect of the presence of self-harm, since, according to some data, this variant is more typical for females [28], and the detection of such noticeable indicators in the male group is possible, will receive a more holistic assessment.

A similar pattern is found in relation to the repeated acceptance of accidents, the acquisition of life-threatening habits and hobbies over the past two years, in particular, unprotected sexual contacts with unfamiliar partners, which, against the back-

фективных или наркологических проблем, нередко рассматриваются в качестве аутоагрессивного эквивалента [29].

Отдельно рассмотрим наркологическую составляющую аутоагрессивного поведения [30]. Очень показательным, что треть обследуемых (35,71%) своё отношение с алкоголем в последние два года рассматривает, как «субъективно ощущаемо излишнее», остальные же представители группы, набравшие значимое для диагностики опасного потребления алкоголя количество баллов по шкале RUS-AUDIT, злоупотребляющими себя субъективно отнюдь не считают, несмотря на то, что дали положительные ответы на вопросы теста (носящие весьма алкогольно-стигматизирующий и очевидный характер). Выскажем предположение о возможном начале формирования уже на этом этапе характерных алкогольных отрицающих механизмов (нарушении критического отношения к имеющимся проблемам) [18].

Не удивительным представляется большее число хронических курильщиков и периодически употребляющих различные наркотические вещества. Ожоги сигаретой или иными источниками тепла наиболее часто было связано именно с фактом алкогольного опьянения.

Обнаруженные данные позволяют сформировать целостную картину направленности антивитальных импульсов в группе, позволяющую констатировать крайне высокий соответствующий потенциал, в значительной степени напоминающий по своему спектру подобный у лиц с уже сформированной алкогольной зависимостью [24].

В заключении, проанализируем представленность предикторов аутоагрессивного поведения, ассоциированных с опасными формами потребления алкоголя у молодых мужчин. Полученные в исследовании данные приведены в таблице 3.

Итак, обнаруженные статистически значимые характеристики, вполне ожидаемы и логично вписываются в приведённые выше. Из большого числа обнаруженных отличий отдельно выделим наиболее однозначные и общепринятые. Прежде всего – частоту обнаружения чувства безнадежности и долгопереживаемого чувства вины, говорящие в пользу присутствия некоего неблагоприятного аффективного фона, весьма настораживающего при условии отсутствия отличий по критерию субъективной оценки себя, как склонного к депрессиям, переживавшего их ранее.

ground of existing affective or drug problems, are often considered as an auto-aggressive equivalent [29].

Let us consider separately the narcological component of auto-aggressive behavior [30]. It is very significant that a third of the surveyed (35.71%) consider their relationship with alcohol in the last two years as “subjectively felt excessive”, while the rest of the group, who scored a significant number of points for diagnosing dangerous alcohol consumption on the RUS-AUDIT scale, abuse they do not consider themselves subjectively, despite the fact that they gave positive answers to the test questions (which are very alcohol-stigmatizing and obvious). Let us make an assumption about the possible beginning of the formation already at this stage of the characteristic alcoholic denial mechanisms (violation of a critical attitude to existing problems) [18].

Not surprisingly, there are more chronic smokers and occasional drug users. Burns from a cigarette or other sources of heat were most often associated with the fact of alcohol intoxication.

The data found make it possible to form a holistic picture of the direction of antivital impulses in the group, which makes it possible to state an extremely high corresponding potential, which to a large extent resembles in its spectrum that of persons with an already formed alcohol addiction [24].

In conclusion, let us analyze the representation of predictors of auto-aggressive behavior associated with dangerous forms of alcohol consumption in young men. The data obtained in the study are shown in Table 3.

So, the statistically significant characteristics found are quite expected and logically fit into the above. Of the large number of differences found, we will separately single out the most unambiguous and generally accepted ones. First of all, the frequency of detecting a feeling of hopelessness and a long-lasting feeling of guilt, which speaks in favor of the presence of some unfavorable affective background, which is very alarming, provided there are no differences in the criterion of subjective assessment of oneself as prone to depression, having experienced them before.

Таблица / Table 3

Представленность предикторов аутоагрессивного поведения у молодых мужчин с опасным употреблением алкоголя
Representation of predictors of auto-aggressive behavior in young men with hazardous alcohol use

Критерий Criterion	Исследуемая группа Study group, n=56		Контрольная группа Control group, n=400		χ^2	P	ОШ OR	ДИ / CI	
	n	%	n	%				НГДИ LBCI	ВГДИ UBCI
Эпизоды безысходности в последние два года Episodes of hopelessness in the last two years	28	50	106	26,5	13,07	0,0003	2,774	1,570	4,899
Склонность испытывать длительное чувство вины в последние два года Tendency to experience prolonged guilt in the last two years	18	32,14	76	19	5,19	0,0228	2,019	1,093	3,731
Склонность испытывать длительное чувство вины в анамнезе вообще Tendency to experience a long history of guilt in general	20	35,71	86	21,5	5,56	0,0184	2,028	1,117	3,683
Способность долго терпеть физическую боль Ability to endure physical pain	46	82,14	268	67	5,25	0,0219	2,266	1,108	4,631
Склонность к неоправданному риску в последние два года Propensity to take unnecessary risks in the last two years	16	28,57	46	11,5	12,19	0,0005	3,078	1,597	5,933
Желание обратиться к психиатру / психотерапевту Desire to see a psychiatrist / psychotherapist	24	46,15	76	20	16,33	0,0001	3,197	1,781	5,741
Родственники наблюдались у психиатра Relatives were seen by a psychiatrist	10	17,86	26	6,5	8,71	0,0032	3,127	1,418	6,897
Суицид родственника Suicide of a relative	6	10,71	8	2	12,54	0,0004	5,880	1,960	17,641
Трагические смерти в семье Tragic deaths in the family	26	46,43	88	22	15,63	0,0001	3,073	1,727	5,466
Физические наказания в детстве Physical punishment in childhood	16	28,57	22	5,5	34,23	0,0000	6,873	3,339	14,144
Отец / отчим имеет проблемы с алкоголем Father/stepfather has alcohol problems	18	32,14	64	16	8,68	0,0032	2,487	1,336	4,629
Мать / мачеха имеет проблемы с алкоголем Mother/stepmother has problems with alcohol	6	10,71	12	3	7,71	0,0055	3,880	1,395	10,796

Сложно утверждать, является ли этот факт результатом ранней алкогольной установки «не унывай, просто пей», обозначенного старта отмеченных выше отрицающих механизмов, но, на наш взгляд, эта особенность нуждается в дальнейшем изучении, поскольку в уже сформированной алкогольном срезе [24] субъективная характеристика себя, как склонного к депрессивным реакциям, весьма свойственное явление.

Ожидаемым отличием является и преобладание склонности к неоправданному риску в изучаемой группе мужчин, часто сопряжённое с имеющимися в группе несчастными случаями, опасными для жизни хобби и опасным сексуальным поведением. Не удивительным является и количество желающих обратиться за профессиональной психиатрической или психотерапевтической помощью, так часто декларируемое в группе. Стоит, тем не менее, не забывать о том, что желание обращения – не есть одно и то же с фактическим обращением. Однако сам факт присутствия такового может рассматриваться как прекрасная возможность к осуществлению необходимых терапевтических или профилактических мероприятий, что сильно отличает группу опасно потребляющих алкоголь от уже зависимых от него, с уже включившимся «круговым» отрицанием проблем и необходимости какой-либо помощи.

Весьма специфичен и показателен семейный анамнез в исследуемой группе. 17,86% родственников респондентов ранее попадали в поле зрения психиатров, суицидальная причина смерти родственника обнаружена 10,71% опрошенных. В плане суицидологической оценки – это весьма говорящие и значимые показатели. Треть представителей группы воспитывалась отцом или отчимом, страдающим алкогольной зависимостью, почти 11% – матерью или мачехой с аналогичными проблемами (14 из 56 молодых мужчин воспитывались отчимом / мачехой). По обоим указанным признакам лица с опасным потреблением алкоголя статистически значимо отличаются от контрольной группы.

Вполне ожидаемым оказался и факт обнаружения заметно большего числа респондентов, подвергавшихся в детстве значимым физическим наказаниям, что способно формировать весьма неблагоприятную жизненную траекторию.

Выводы:

Исследуемая группа лиц мужского пола представляет собой весьма специфическую и неблагоприятную в суицидологическом плане группу, без-

It is difficult to say whether this fact is the result of the early alcoholic mindset “don't be discouraged, just drink,” the marked start of the above-mentioned denying mechanisms, but, in our opinion, this feature needs further study, since the already formed alcoholic section [24] contains a subjective characteristic himself, as prone to depressive reactions, is a very common phenomenon.

An expected difference is the predominance of unjustified risk proneness in the studied group of men, often associated with accidents in the group, life-threatening hobbies and dangerous sexual behavior. Not surprising is the number of people who want to seek professional psychiatric or psychotherapeutic help, which is so often declared in the group. It is worth, however, not to forget that the desire for conversion is not the same as the actual conversion. However, the very fact of the presence of such a person can be considered as an excellent opportunity to implement the necessary therapeutic or preventive measures, which greatly distinguishes the group of dangerous alcohol users from those are already addicted to it, with the “circular” denial of problems and the need for any help already included.

A very specific and indicative is family history in the study group. 17.86% of the respondents' relatives had previously come to the attention of psychiatrists, the suicidal cause of death of a relative was discovered by 10.71% of the respondents. In terms of suicidological assessment, these are very telling and significant indicators. One third of the group was raised by a father or stepfather suffering from alcohol addiction, almost 11% had a mother or stepmother with similar problems (14 out of 56 young men were raised by a stepfather / stepmother). For both of these characteristics, persons with hazardous alcohol consumption are statistically significantly different from the control group.

Quite expected was the discovery of a noticeably larger number of respondents who were subjected to significant physical punishment in childhood, which can form a very unfavorable life trajectory.

Conclusions:

The studied group of males is a very specific and suicidologically unfavorable

условно, требующую дальнейшего, детального изучения.

Благодаря новым подходам в наркологии, в частности, предлагаемой континуальности алкогольной траектории в МКБ-11, в поле зрения специалистов, наконец-то, попадают лица из прежде «слепой», игнорируемой группы: опасно потребляющих алкоголь. Это определяет несомненное медико-социальное значение исследований, учитывая вероятно значительное подобных, донологических форм потребления спиртных напитков.

Учитывая полученные в работе данные, нетрудно предположить значительный вклад рассматриваемой группы в совокупные суицидологические показатели в любом регионе, которое, в свою очередь, требует дальнейшего пристального и предметного изучения.

Таким образом, говоря об алкогольном вкладе в суицидологические показатели в глобальном понимании, следует учитывать не только, ставшую уже традиционной и аксиоматичной, долю самих зависимых от алкоголя, но и учитывать существенное влияние на указанные индикаторы донологических потребителей, в частности, с опасными паттернами.

Полученные в ходе исследования данные могут использоваться в оценке суицидального риска среди мужчин молодого возраста, а учитывая нацеленный на раннюю профилактику алкогольной зависимости характер дефиниции «опасного потребления алкоголя», целесообразно в соответствующей работе использовать модифицированные морально-ориентированные подходы [24, 30], и специфические методики, направленные на профилактику аутоагрессивного поведения.

Тест RUS-AUDIT продемонстрировал себя весьма многообещающе в возможной скрининговой оценке в суицидологической практике, как инструмент сепарации группы лиц с уже значительно повышенным антивитальным потенциалом.

group, which certainly requires further, detailed study.

Thanks to new approaches in narcology, in particular, the proposed continuum of the alcohol trajectory in the ICD-11, people from a previously “blind”, ignored group, dangerously consuming alcohol, finally come to the attention of specialists. This determines the undoubted medical and social significance of research, given the probably significant similar, prenosological forms of alcohol consumption.

Given the data obtained in the work, it is not difficult to assume a significant contribution of the group under consideration to the total suicidological indicators in any region, which, in turn, requires further close and substantive study.

Thus, speaking about the contribution of alcohol to suicidological indicators in the global sense, one should take into account not only the already traditional and axiomatic share of those who are addicted to alcohol, but also take into account the significant impact on these indicators of prenosological consumers, in particular, those with dangerous patterns.

The data obtained in the course of the study can be used in the assessment of suicidal risk among young men, and given the nature of the definition of “dangerous alcohol consumption” aimed at early prevention of alcohol addiction, it is advisable to use modified morally-oriented approaches in the relevant work [24, 30], and specific techniques aimed at preventing auto-aggressive behavior.

The RUS-AUDIT test has shown itself to be very promising in a possible screening assessment in suicidological practice, as a tool for separating a group of individuals with already significantly increased anti-vital potential.

Литература / References:

1. Hufford M.R. Alcohol and suicidal behavior. *Clinical psychology review*. 2001; 21 (5): 797-811. DOI: 10.1016/s0272-7358(00)00070-2
2. Goldston D.B. Conceptual issues in understanding the relationship between suicidal behavior and substance use during adolescence. *Drug Alcohol Depend*. 2004; 76: 9-91. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2004.08.009
3. Меринов А.В. Влияние прошлой суицидальной активности на прочие аутоагрессивные, экспериментально-психологические и наркологические характеристики мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Суицидология*. 2013; 3: 58-63 [Merinov AV. Effect of past suicidal activity on other autoaggressive, experimental psychological and substance abuse characteristics of men suffering from alcohol dependence. *Suicidology*. 2013; 3: 58-63.] (In Russ)
4. Разводовский Ю.Е. Потребление алкоголя и суициды в Беларуси. *Вопросы наркологии*. 2008; 6: 67-72. [Razvodovsky Yu.E. Alcohol consumption and suicides in Belarus. *Issues of narcology*. 2008; 6: 67-72.] (In Russ)
5. Немцов А. В. Потребление алкоголя и самоубийства: Россия, 1981-1998 годы. *Вопросы наркологии*. 2002; 4: 53-60. [Nemtsov A.V. Alcohol consumption and suicide: Russia, 1981-1998. *Issues of narcology*. 2002; 4: 53-60.] (In Russ)

6. Шайхидинова О.А. Аутоагрессивное поведение как область научного исследования. *Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 17 мая 2022 года* / Гл. редактор Ж.В. Мурзина. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022: 17-18. DOI: 10.31483/r-102654. Shaikhidinova O.A. Autoaggressive behavior as a field of scientific research. *Socio-pedagogical issues of education and upbringing: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, May 17, 2022* / Editor-in-chief Zh.V. Murzina. Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House "Wednesday", 2022: 17-18. DOI: 10.31483/r-102654] (In Russ)
7. World Health Organization. *Preventing suicide: a global imperative*. Geneva: World Health Organization; 2014. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/131056>
8. GBD 2016 Alcohol Collaborators. Alcohol use and burden for 195 countries and territories, 1990–2016: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *The Lancet*. 2018; 392 (10152): 1015–1035. [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(18\)3131](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(18)3131)
9. Бехтель Э.Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: Медицина, 1986. 272 с. [Bekhtel E.E. Prenosological forms of alcohol abuse. M.: Medicine, 1986. 272.] (In Russ)
10. Энтин Г.М. Лечение алкоголизма. М.: Медицина, 1990. 416 с. [Entin G.M. Treatment of alcoholism. M.: Medicine, 1990. 416.] (In Russ)
11. Naghavi M. Global Burden of Disease Self-Harm Collaborators. Global, regional, and national burden of suicide mortality 1990 to 2016: systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *BMJ*. 2019; 364 (94): 1–11.
12. Хритинин Д.Ф., Паршин А.Н., Самохин Д.В. Ведущие факторы формирования и основные пути профилактики суицидального поведения студентов. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2015; 2 (87): 71-75. [Hritinin D.F., Parshin A.N., Samokhin D.V. The leading factors of formation and the main ways of prevention of suicidal behavior of students. *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2015; 2 (87): 71-75.] (In Russ)
13. Пацкань И.И. Современные научные взгляды на проблему адаптации у студенческой молодежи. *Университетская клиника*. 2019; 2 (31): 112-117. [Patskan I.I. Modern scientific views on the problem of adaptation among students. *University Clinic*. 2019; 2 (31): 112-117.] (In Russ)
14. Evans-Polce R.J., Maggs J.L., Staff J. The age-varying association of student status with excessive alcohol use: ages 18 to 30 Years. *Alcohol Clin Exp Res*. 2017; 41 (2): 407-413. DOI: 10.1111/acer.13294
15. Kupri K., Cronin M., et al. Do University students drink more hazariously than their non-student peers? *Addiction*. 2005; 100: 713–714. DOI: 10.1111/j.1360-0443.2005.01116.x
16. Bewick V.M., Mulhern B., et al. Changes in undergraduate student alcohol consumption as they progress through university. *BMC Public Health*. 2008; 8: 163. DOI: 10.1186/1471-2458-8-163
17. Degenhardt L., O’Loughlin C., Swift W. The persistence of adolescent binge drinking into adulthood: Findings from a 15-year prospective cohort study. *BMJ Open*. 2013; 3: e003015. doi: 10.1136/bmjopen-2013-003015.
18. Гофман А.Г. Клиническая наркология. 2-е изд. М.: ООО «Издательство «МИА», 2017. 376 с. [Hoffman A.G. Clinical narcology. 2nd ed. Moscow: MIA Publishing House LLC, 2017. 376.] (In Russ)
19. Барановский Н.А., Осипчик С.И., Пилипенко Е.В. Проблема пьянства и алкоголизма в социологическом измерении. *Социологический альманах*. 2016; 7: 81-92. [Baranovsky N.A., Osipchik S.I., Pilipenko E.V. The problem of drunkenness and alcoholism in the sociological dimension. *The Sociological Almanac*. 2016; 7: 81-92.] (In Russ)
20. Бисалиев Р.В., Кречина Е.В., Ханинев Н.Ф., и др. Донозологические формы потребления алкоголя: клинические и этнокультуральные аспекты. *Наркология*. 2009; 8 (92): 71-79. [Bisaliyev R.V., Krechina E.V., Khaninev N.F., et al. Prenosological forms of alcohol consumption: clinical and ethno-cultural aspects. *Narcology*. 2009; 8 (92): 71-79.] (In Russ)
21. Кравцова, Т.В., Великанова Л.П. Стратегии совладающего поведения у женщин молодого возраста с разными формами донозологического потребления алкоголя. *Вопросы наркологии*. 2010; 1: 10-18. [Kravtsova, T.V., Velikanova L.P. Strategies of coping behavior in young women with different forms of pre-nosological alcohol consumption. *Issues of narcology*. 2010; 1: 10-18.] (In Russ)
22. Reid M.C, Fiellin D.A, O’Connor P.G. Hazardous and harmful alcohol consumption in primary care. *Arch Intern Med*. 1999; 159 (15): 1681–1689. DOI: 10.1001/archinte.159.15.1681.
23. Отчет о реализации проекта RUS-AUDIT: Адаптация и валидация теста AUDIT (Alcohol Use Disorders Identification Test) для выявления расстройств, обусловленных употреблением алкоголя в Российской Федерации. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350879>. [Report on the implementation of the RUS-AUDIT project: Adaptation and validation of the AUDIT test (Alcohol Use Disorders Identification Test) to identify disorders caused by alcohol consumption in the Russian Federation. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350879>.] (In Russ)
24. Меринов А.В. Роль и место феномена аутоагрессии в семьях больных алкогольной зависимостью. СПб: Экспертные решения, 2017. 192 с. [Merinov A.V. The role and place of the phenomenon of autoaggression in the families of patients with alcohol addiction. St. Petersburg: Expert solutions, 2017. 192 p.] (In Russ)
25. Gunnell D., Frankel S. Prevention of suicide: aspirations and evidence. *British Medical Journal*. 1994; 308: 1227–1233.
26. Суицидальные и несуйцидальные самоповреждения подростков / Коллективная монография. Под редакцией проф. П.Б. Зотова. Тюмень: Вектор Бук, 2021. 472 с. ISBN 978-5-91409-537-3 [Suicidal and non-suicidal self-harm of adolescents / Collective monograph. Edited by Prof. P.B. Zotov. Tyumen: Vector Book, 2021. 472 p. ISBN 978-5-91409-537-3] (In Russ)
27. Runeson B.S., Beskow J., Waern M. The suicidal process in suicides among young people. *Acta Psychiatr Scand*. 1996; 93 (1): 35-42.
28. Халдрымянц А.С. Гендерный аспект в проблеме подросткового селфхарма. Гендерный калейдоскоп – 2019: Сборник научных статей, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2019 года / Под редакцией Л.А. Савченко. Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2020: 185-189. [Haldrymyants A.S. Gender aspect in the problem of adolescent self-harm. *Gender Kaleidoscope - 2019: Collection of scientific articles, Rostov-on-Don, December 06, 2019* / Edited by L.A. Savchenko. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education, LLC, 2020: 185-189.] (In Russ)
29. Simon W., Gagnon J.H. Sexual scripts: Permanence and change. *Arch Sex Behav*. 1986; 15 (2): 97–120. DOI: 10.1007/BF01542219
30. Шустов Д.И. Аутоагрессия и самоубийство при алкогольной зависимости: клиника и психотерапия. Санкт-Петербург: ООО "Издательство "СпецЛит", 2016. 207 с. ISBN 978-5-299-00760-2 [Shustov D.I. Autoaggression and suicide in alcohol addiction: clinic and psychotherapy. Saint

Petersburg: LLC "Publishing House "SpetsLit", 2016. 207 p.
ISBN 978-5-299-00760-2] (In Russ)

SUICIDAL CHARACTERISTICS OF YOUNG MEN WITH HAZARDOUS ALCOHOL CONSUMPTION

K.V. Polkova, A.V. Merinov, A.E. Starostenko

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia;
polkovaksu@gmail.com

Abstract:

The fact that auto-aggressive behavior is associated with alcohol abuse is widely known among the scientific community. A number of works relating to the association of suicidal behavior with alcoholization often used the criterion of volumetric doses of alcohol consumption per capita, and also estimated the number of suicides in a particular region or country, where a positive correlation was often found between an increase in alcohol consumption and an increase in the number of suicides. However, alcohol consumption per capita (per capita) is formed not only by people who already have alcohol addiction, but also by those who abuse alcohol at the prenosological level. The latter, of course, can contribute to the total paraalcoholic indicators of suicidal mortality. Currently, there are no data on the suicidological characteristics of individuals with prenosological forms of alcohol abuse, in particular, with dangerous forms of consumption. *Materials and methods.* 456 men aged 20 to 27 years old, studying at the university, were studied. Of these, 56 had "dangerous alcohol consumption" and were included in the study group. The control group consisted of 400 young men who were not assessed as dangerous users. RUS-AUDUT was used as the main research tool. To assess the presence of suicidologically significant patterns, a questionnaire was used to identify auto-aggressive patterns in the past and present. Mathematical data processing was carried out using the SPSS program. *Results and discussion.* The number of suicide attempts in the study group was ten times higher than that in the control group in the last two years, and throughout life in general it exceeded five times. Preclinical alcohol abuse in the group of young men affected the frequency of detection of suicidal thoughts (60.71% in the study group versus 27.5% in the control group). Self-harm in the last two years also prevailed in the study group (14.29% versus 3.5% in the control group). *Conclusions.* The studied group of males with patterns of dangerous alcohol consumption is a very unfavorable category in terms of suicidology, requiring further, more detailed study. The data obtained during the study should be used in the assessment of suicidal risk among young men.

Keywords: dangerous alcohol consumption, suicide attempt, suicide, autoaggression, suicidology, prenosological forms of alcohol abuse, domestic drunkenness.

Вклад авторов:

K.V. Polkova: разработка дизайна исследования, обзор и перевод публикаций по теме статьи, статистическая обработка данных, написание текста рукописи;
A.V. Merinov: разработка дизайна исследования, перевод публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи;
A.E. Starostenko: обзор и перевод публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

K.V. Polkova: developing the research design, reviewing of publications of the article's theme, translated relevant publications, statistical processing of research data, article editing;
A.V. Merinov: developing the research design, translated relevant publications, article editing;
A.E. Starostenko: review of publications on the topic of the article, translated relevant publications, writing the text of the manuscript.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 22.08.2022. Принята к публикации / Accepted for publication: 09.10.2022.

Для цитирования: Полкова К.В., Меринов А.В., Старостенко А.Е. Суицидологическая характеристика молодых мужчин с опасным потреблением алкоголя. *Суицидология.* 2022; 13 (3): 88-102. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-88-102

For citation: Polkova K.V., Merinov A.V., Starostenko A.E. Suicidal characteristics of young men with hazardous alcohol consumption. *Suicidology.* 2022; 13 (1): 88-102. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-88-102 (In Russ / Engl)